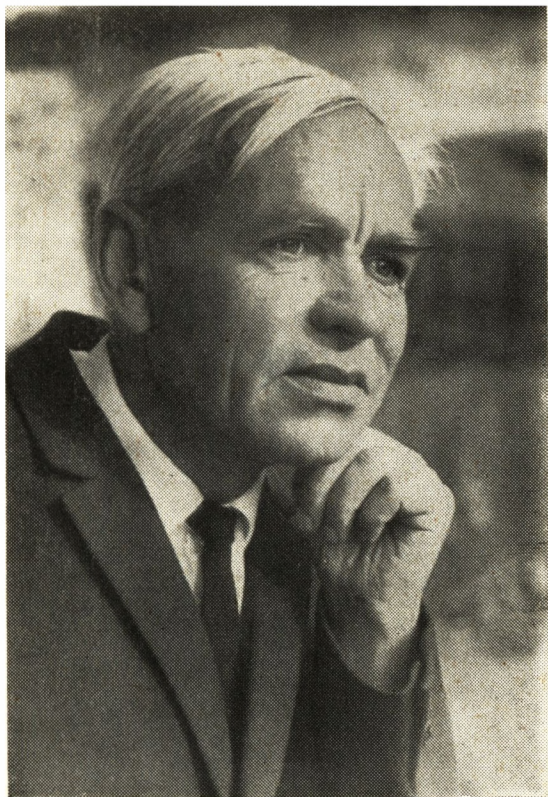

The background of the entire page is a dense, abstract pattern. It consists of numerous black, stylized leaf or petal shapes scattered across a light, textured surface. Interspersed among these shapes are several clusters of fine, parallel black lines that radiate outwards from a central point, resembling sunbeams or starbursts. The overall effect is a complex, high-contrast visual texture.

БОРИС МИХАЙЛОВ

дни
стихи

БОРИС МИХАЙЛОВ

дни
избранные стихи

ПЕРМСКОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

1969

У автора этой книги стихов Бориса Николаевича Михайлова трудная и завидная судьба. Он вместе со своими ровесниками был свидетелем Октября и гражданской войны, первых пятилеток и Великой Отечественной. И в нынешних буднях поколение шестидесятилетних работает молодо, с прежним энтузиазмом.

Борис Михайлов выбрал для себя одну из труднейших профессий на земле — профессию поэта. Все его творчество связано с родным и близким краем — Уралом. Ему с благодарностью посвятил он лучшие свои строки, по его бурной жизни сверял свою жизнь.

Сборник «Дни» — своеобразный отчет Б. Михайлова перед читателями за много лет работы. Каждое стихотворение книги — откровенная строка из этого отчета, именуемого творческой биографией.

ПУТНИК

Путник на заре сквозь бурелом
Начинал рискованный подъем.
Лес редел, но цепкими кустами
Руки обжигало. Выл поток.
Ветки по лицу его хлестали,
Камни вырывались из-под ног.
Скалы на пути да мгла расселин,
Узкие тропинки между скал...
Только путник был в себе уверен:
Путь к вершине прямо пробивал.
Вышел он... Раскинулись без края
Новые просторы перед ним:
Слева — море светится, играя,
Тихое под небом голубым.
Справа — речек пенные стремнины,
Белые аулы да сады.
Город, поезда в большой долине,
Буковые рощи — впереди.
Все ему: оснеженные горы,
Дикое цветенье южных роз,
Взлет орла и утреннее море —
Многое увидеть привелось.
Трудный не страшит меня подъем,
Я б хотел пройти его путем.

1940

Взошла луна. Окраине не спится.
Мерцают звезды ясные в ночи.
Хрустит ивняк, выравнивая вицы,
И звоном наливаются ключи.

Уж не скользят разношенные сани,
Плетется конь. Дороги извело.
Звонят сосульки, но еще названья
Такое время не приобрело.

Веселая, у белого вокзала,
Над стаей растревоженных берез,
Летела песня. Это провожали
Рабочие товарищей в колхоз.

На тракторную станцию, надолго,
Встречать весну. Она близка. В ночи
Шли поезда. Лед подымала Волга,
Ломали крылья первые грачи.

1934

ЛИВЕНЬ

Деревья в саду сохраняли покой.
Все замерло. Хрустнет ли ветка,
Нечаянно лист шевельнется сухой —
Все в эти минуты заметно.

От пыли назойливой, горькой жары,
Безветренной тихой погоды
Трава полегла... Ожидали поры,
Когда встрепенется природа.
И вот началось. Торопливо шурша,
Запрыгали капли крутые
Все чаще и чаще. И, дружно спеша,
Потоки шумят дождевые.
И влагу трава, как из ковшика, пьет,
Цветы тяжелеют и гнутся.
Листва — врассыпную, и ветки — вразлет:
Того и гляди оборвутся.
И ветер свистел бы — теряется свист.
Смятение в галочьих гнездах.
Стремительно туча прольется... И чист
Озоном насыщенный воздух.

Все зелено, ярко, и падают вдруг
Лучи и соцветия радуг.
Все блещет. Все свежестью дышит вокруг:
Деревьев и трав беспорядок.

* *

*Е*ще на крышах снег тяжелый
И окна в зимнем серебре,
И так же в марте резок холод,
Каким он был и в январе.

Еще выходит солнце редко,
Но все же улица светла,
И, поднимая кверху ветки,
Деревья ждут и ждут тепла.

И вдруг заметим: выше кровель,
Под обаяньем этих дней
Берез вершины все лиловей,
Все гуще липы и темней.

1938

РУЧЕЙ

Утрами холод обжигаящ.
В снегу — гнездовища грачей.
Моим мечтам прямой товарищ —
О лед колотится ручей.

Ему в низину бы свергаться,
Кипеть и пениться, и вдруг
Под жарким солнцем рассверкаться,
Из рощи вылетев на луг;

На ровном месте вырыть омут,
Каменья тиной оплести,
Пройти дорогой незнакомой,
Сминая травы на пути;

И рваться нежно и жестоко
Сквозь все сплетенья повилик,
Сквозь гущу трав голубооких.
И через камни — напрямик,

1939

ОСЕННЕЕ

Кончался август. Листья кое-где
Слегка желтели. Тихими утрами
Вставал туман над речкой и лугами
И никли ивы к розовой воде.
И гнал пастух медлительных коров
Из теплых стойл на сочную отаву.
Комбайн хлеба, созревшие на славу,
Спешил убрать с рыжеющих холмов.
Малиннику был тесен палисад,
А вдалеке задумчивые ели
Ронять смолистых шишек не хотели.
Держался хмель, и цепок, и усат,
За изгородь. Горох ломал стручки.
Внизу на грядках ревностно, до хруста
Свивала листья белая капуста.
В бороздках наливались кабачки.
Расколешь плод — рванутся семена,
Тая в себе зачатки новых жизней;
Пройдет зима — и в мае зелень брызнет,
Растения возьмутся. Тем сильна
Земля... На завтра утки пролетят,
Равняя путь на юг по блеску Камы.
Они вернутся... Грустно нам, пока мы
Совсем одни: нейдём ни в лес, ни в сад.
Так здравствуй, осень! Как ни говори,
Люба ты нам. И ты ли не богата!
Сойдутся в школу шустрые ребята
И выложат на парты буквари...

Окончатся уроки — и скорей
На улицу, где, игры затевая,
Уж порезвятся дети... Отживая,
Поникнут мальвы, высохнет пырей...
Учительнице за сорок давно.
Она бы не хотела, да грустится.
Прохлада предосенняя струится
С речных низин в открытое окно.

*** ***

...В ней все цвета: лиловый, красный,
Зеленый, желтый, голубой.
Переливая ленты красок,
Вставала радуга дугой.

То ливень был, то солнце было
И дождь и солнце — хорошо!
Блестели пихты так свежо.
Речушка быстрая бурлила.

И дождь, и солнце мы любили,
Нас не пугал июльский гром.
И так с тобою мы дружили,
Как дружит радуга с дождем.

1940

ДЕРЕВЦО

Сыну

Теплым летом в чащобе тенистой
Затеряется тропка моя.
На земле — прошлогодние листья,
Серый мох и сухая хвоя.

Наверху перепутаны ветки.
Зашумят — только ветром качни.
Высоко-высоко, хоть и редко,
Да виднеются солнца лучи.

Где цепляется вереск за плечи
И летит паутина в лицо,
Пробивается солнцу навстречу
Молодое совсем деревцо.

Пусть пока оно выглядит хрупким,
Неприметным среди крепышей, —
Будет листьев разворачивать трубки,
Зеленеть все свежей и нежней,

Дуновения влажные токи
На угоре заслышит едва.
Чтоб не гнуться, не быть кособоким,
Будет долго тянуться сперва

И, не кланяясь каждой кручине,
Новых веток раскидывать сеть,

**Постепенно густеть на вершине,
Раздаваться у комля, звенеть.**

**Хорошо! Пробивайся высоко,
Где листве и тепло, и светло.
Пей земли благодатные соки,
Чтобы солнце на плечи легло!**

1940

В РОДНОМ КРАЮ

1

В эту зиму берег тише,
Меньше вечером огней,
Пихты сумрачнее, выше,
Ночи глуше и темней.

Окна трогает рябина
Голым холодом ветвей.
Молча слушает Марина,
Что наказывают ей.

А чуть высветит с утра —
Собирается, пора.

Ломит руки на морозе,
Зги не видно, даль в дыму.
Да, работая в извозе,
Привыкаешь ко всему.

Коль метелица завьется —
Конь на ощупь побредет.
Коль слезинка навернется —
Задрожит и упадет.

И опять глаза сухие
Смотрят в сумрачную даль.
И бегут места глухие —
Снега белого печаль.

Ежась, в розвальнях ездок
Ждет, когда же городок...

Берег. Низенький поселок.
Деревянные дома.
Пихты, пихты. Снег с иголок.
Снег, дорога и туман.

Злилась стужа — не вздохнуть,
Да оттепило чуть-чуть.

Лес налево и направо
Над рекою встал стеной.
Там, на рейде лесосплава,
У Марины дом родной.

Словно терем-теремок:
Три окошка и дымок.

Там и выросла на скоске,
У студеного ручья.
Как упругая березка, —
Только ветра и ничья.

Поворачивает круто
Омутистая река.
Тесно, ветви перепутав,
Стынет заросль ивняка.

И, спускаясь молча с гор,
Далеко синее бор.

3

Ей родными были ивы,
Пихта, тихая река,

Быт семьи трудолюбивой
Коренного сплавщика.

Что же, выросла — работай!
Нету сына — значит, дочь
И работой, и заботой
Старикам должна помочь.

— Надо к месту приспособить.
Дела много — не искать.
Подросла — и хорошо бы
С дела трудного начать,

Хоть за кучера в извоз...
Иль не выдержишь в мороз?

— Не боялась никогда я:
Затрещит на Ласьве лед —
Мне погодушка крутая
Только силы придает.

А дороги все кругом
Знаю я в лесу глухом.

Ей в конторе рассказали,
Что придется нелегко,
Что в бору пурга и заметь,
В город ездить далеко.

Будешь ты одна в извозе —
Пубавился народ...
Но уже скрипят полозья,
Холод за сердце берет.

И опять бубенчик бьется.
Привязать, чтоб не рыдал...
Чаще, чаще по морозцу
Дальний путь ей выпадал.

Хоть дорогу заносило,
Да знаком любой нырок.
Многих, многих увозила
По повесткам в городок.

Едет, слезы утирает:
Уезжают земляки —
Слава чердынского края,
Северяне-сплавщики.

Возвращалась, да не скоро.
Завивался снежный жгут.
А соседки у конторы
Собираются и ждут.

— Что, Марина, — шутка в деле! —
Всех увозишь?.. Крепок лед.
Да растает он в апреле.
Лес-то кто грузить пойдет?

Что ответишь? Тишина.
Слезы высохли. Война.

«Сел на серый полушалонок
Белый иней по краям.
Не меня ль ты провожала
Мимо рытвин, мимо ям?

Не забудь мои страдания,
Сердце мается, как лист...» —
Пел Марине на прощанье
Сероглазый моторист.

Проводила и его —
Дорогого своего.

Вьюга колкий снег взметала,
Но к весне тянулась нить...
Провожала — жалко стало,
Проводила — не забыть.

«Где он слушает пургу,
Может, в поле, на снегу?
Может, раненый, забытый,
На угоре, на юру,
В чистом поле под ракитой
Коченеет на ветру?

Я б согрела, подняла,
Кровь густую уняла...»

6

Засияло солнце лета
В родниковом серебре,
На камнях обогретых,
На березовой коре,

На сырой хвое, в лесу,
На родной реке — внизу.

Это что там замелькало,
Как черемух лепестки?

Сплавщиков бывалых мало —
Всюду белые платки.

Вплоть до чердынских лесов
Докатился громкий зов.

За работу! Ветер горек,
Дни все яростнее, злей.
— Тяжело, да мы спроворим:
Им на фронте тяжелей.

Крепче волосы повяжет
Белым ситцевым платком.
— Дружно, бабоньки! — Покажет,
Как орудовать багром,

Бить сосну в корявый бок
И вести наискосок,

Направлять куда осину,
Что поставить на отвод...
Сортировка древесины,
Как положено, идет.

— Где вы, милые, сейчас?
Посмотрели бы на нас!

7

На понтон сойдет со сходен,
Все оглянет на реке.
Тут она и верховодит
На погрузочном станке.

— Начинай! — Включен мотор,
Брошен в сторону багор.

Металлические лапы
Бревна сгрудят и сожмут.
И не как-нибудь, не слабо
Свяжет проволочный жгут

Грудю леса... Лес ты мой,
Весь заплесканный водой!..

А потом пучок тяжелый
По течению плывет
Вниз, до мыса Новоселы,
Где становятся новый плот.

Трутся бревна — к ряду ряд.
Прочен цинковый канат.

Только волосы повяжет
Белым ситцевым платком —
И сама пойдет покажет,
Как орудовать багром,

Бить сосну в корявый бок
И вести наискосок...

КОМСОМОЛЬСКИЙ БИЛЕТ

Привезли на завод комсомольский билет,
По краям опаленный войною.
Был хозяин его девятнадцати лет —
Он зарыт под разбитой сосною.

Подступившего горя ничем не избыть,
И на миг тишина водворится...
Но клянутся друзья ничего не забыть,
Только злей и упорней трудиться.

Соберут самолет вне заданий и смен.
Так приказано памятью светлой
И подсказано сердцем... От зова сирен
Утром вздрогнули тихие ветви.

От домов поселковых к седым корпусам
Собираются тропки витые,
Золотые цветы убегают к лесам...
Как любил он цветы золотые!

Неподвижные руки лежат на груди,
Отдышавшей ветрами сражений...
Боевой самолет, пролети, прогуди
Над холмом без травы и без тени!

1943

УРАЛ

Урал называют седым и суровым,
Холодным, горбатым, колючим, сухим,
Высокую избу — неласковым кровом,
Невнятным шуршанием — шепот ольхи,
Тоской непролазной — нагорные тропки,
Раскатами грома — в горах поезда,
Крутыми буграми — зеленые взлобки,
И скукой — у синих озер города.
И кажутся тучами серые дымы
Из труб закопченных и угольных куч,
Глубокие просеки — вечно глухими,
Опасными — осыпи каменных круч.
И тесно от все обступившего леса.
И люди здесь молча встречают людей.
Пожатье ладони — пожатье железа,
И нежность не сразу почувствуешь в ней.
Заря намечается розовой кромкой
Над синего леса зубчатой стеной.
Лениво куда-то сползают потемки
Молочным туманом по речке лесной.
И вдруг — зарябило. Рассыпало искры
По мелким волнам, по траве на лугах,
По вымытым окнам, по галькам, по листьям,
По рельсам, петляющим в гулких горах.
Пошло, зашумело. И хвойные лапы,
Обсохнув, запахли смолистым теплом.
Невинных фиалок растерянный запах
С ним слился... И все это хлынуло в дом,

В открытые окна, в разбуженный город.
Играя в рябинах листвою сквозной,
Кидаясь к ногам, забираясь за ворот,
Струится особенный ветер лесной.
Но время жестоко. И некогда слушать
Дыханье рассвета, реку да скворцов.
Сестра Украина!.. Там девушек душат,
Глаза выжигают у пленных бойцов.
И Минск, и Карелия!.. Площади Львова!..
Там стены и камни от крови черны.
Как вылить всю горечь, всю ненависть в слово?
Молчат сталевары у домен страны.
Металл, рассыпая слепящие звезды,
Выходит на волю. Он станет броней,
Стволами орудий, расплатою грозной
За все, что поругано лютой войной.
Молчат под чехлами высокие дула,
Укутаны плотно стальные замки,
Чтоб сырость не въелась, песку не надуло,
Как пыль ни пыли и как дождь ни секи.
Урал — это дымного фронта опора,
Не мгла, не глуховье — настойчивый край.
Ковши и лопаты врезаются в горы —
И сколько они добывают добра!
Где руки в мозолях — земля не скупится,
Рубашка — хоть выжми, прилипла к спине...
Стальные, к полету готовые птицы,
И танки в надежной уральской броне,
И с нефтью цистерны, и каменный уголь,
И тес, и железа крутые листы —
На запад, на запад! А с пышного луга
Неяркие тихо кивают цветы.
И женщины плачут, хоть их не видали,

Когда они плачут... Дороги глухи:
«А где мы встречались, а где расставались
Под стук паровоза, под шепот ольхи...»
А солнце высоко. Станки не стихают.
Составы, составы — с утра до утра.
А трубы дымятся. Роса высыхает.
Навстречу тяжелым составам — ветра.

1943

*** ***

Г. С. Улановой

Я звуки скрипок плохо слышал.
Уже теряясь, далеки,
Как отшумевший дождь по крышам,
Они стекались в ручейки.

Им подговаривала арфа.
В каком-то сказочном бору
Я видел руки: легким шарфом
Они играли на ветру.

И трепетало чье-то тело,
Как ива утром у реки,
Потом, как облако, летело,
От зноя таяло и млело,
И гасли скрипок ручейки.

1943

ПИСЬМО

Я тот же. Я много бы мог написать.
Не все уместится в конверте.
Я жив и здоров, но, по правде сказать,
Бывал недалеко от смерти.

Средь гула орудий тверды голоса,
И вправду о смерти поется,
Что если ей прямо посмотришь в глаза —
Она от тебя отвернется.

1944

ПОЛУСТАНОК

Глухой уральский полустанок.
Платформы, зло отгрохотав,
Затихли, звякнули устало,
И встал на выгрузку состав.

Железный лом, дождем обмытый:
Брони погнутые листы,
Где, желтой ржавчиной покрыты,
Линяют черные кресты.

Напрасно вражеские танки
Ломились бешено в бои —
На их помятые останки
Сядятся шумно воробьи.

Рвались добаться до Урала,
И вот он — край лесов и руд,
Где груды мятого металла
Для переплавки приберут.

1944

ДОРОГА

Цветы по краям. На излучке —
Два тополя, шаткий мосток,
И кружится песня разлуки,
Как сорванный ветром листок.
В лесу рассыпаются струи —
Чиста ключевая вода!
Немного в дорогу беру я,
Но кружка со мною всегда.

Попью. От жары не томиться.
Родник, разливаясь у ног,
Под солнцем журчит, веселится —
Ему моя грусть невдомек.
Иду по дороге, по краю.
А то попрошу подвезти...
Я часто тебя покидаю,
За это меня ты прости!

Дорога, дорога, дорога,
И редкая тень под листвой.
Изъезжено, кажется, много,
Исхожено больше того.
Устану ли? Нет, не устану.
Вернусь — ты, как прежде, нежна,
Обнимешь и скажешь: «Как рано
Пошла на висках седина».

1944

РЕЧКА В ГОРАХ

Котомка катится с плеча
На камень придорожный,
А речка шуруется, журча
Тепло и осторожно.
То в мох укроется за тень,
За шорох вересковый,
То снова скачет, как олень,
По галькам в лес еловый.
В седых горах — начало рек.
Сойдясь в тенистых падях,
Они потом возьмут разбег,
Сорвутся водопадом,
Могучей силой удивят,
Гудя водою полой,
В себе, качая, отразят
Все небо, лес и села...
Высоко тают облака.
Обрыв. Поляны кромка.
А речка, мелкая пока,
Журчит еще негромко.

1944

НА ЧУСОВОЙ

Застучала гулко в берега
Чусовая — быстрая река.
Быстрая, студеная,
Норовом крута,
Солнцем озаренная,
Силой налита.

Камни меловые да леса,
Да фиалок тихие глаза.
За рекою быстрою —
Далей синева.
Берега росистые —
Первая трава.

Грузчики задумчиво поют,
Баржи по течению плывут.
Баржи острогрудые —
Крепкие бока.
О весенней удали
Песня широка:

«Надо в половодье обойти
Камни и воронки на пути.
Выведем, не сломимся.
Плещется вода.
Буре не поклонимся, —
Горе — не беда».

**И в борта стучит и в берега
Чусовая — быстрая река.**

**Быстрая, студеная,
Норовом крута,
Солнцем озаренная,
Силой налита.**

1944

О ЛЮБВИ

Тихо. Не зашепчут, не зови,
Спрятанные сумерками ивы.
Стали мы черствы и молчаливы:
Некогда подумать о любви.

Все ж она живет, не умерла,
Травкою под камнем изнывая.
Отвали его — и, оживая,
Вновь пойдет расти, какой была.

В душный зной она — глоток воды,
Искорка одна в золе прибитой,
В шуме дня — мотив полузабытый,
Слабый блеск невымытой руды.

Нет! Не затеряется в тоске!
Тут она. Сиять не перестанет.
Все светлей она от испытаний —
Золото не портится в песке.

1944

Зеленый берег ласковой Ирены
Скалой сменился. Выгнулась Ирень.
И вот деревня. Домики в сирени.
Откуда здесь пушистая сирень?

«Хозяюшка, найдется ли напиток?» —
И ковш беру из первого окна.
Колодезная свежая водица
В ковше — аж зубы ломит — холодна.
Старушка ждет. О, как давно я знаю
Ту нежность молчаливых матерей,
Что светится, как реченька лесная
С ласкающим названием Ирень!
«Спасибо, мать!» О чем мы говорили?
Тревожилась, горюнилась она,
Что сын далеко. Как бы не убили.
И скоро ли окончится война...
Прощай, старушка! Верь, что сын вернется, —
И ты ему, хлебнувшему беды,
Еще подашь из этого колодца —
Веселому, усталому — воды.

Сирень цветет и кланяется в ноги.
Белеют ставни, жарко дышит день.
Старушка долго смотрит на дорогу.
Задумчивая катится Ирень.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Когда с войны вернутся
На Каму земляки,
Все ветки встрепенутся
Над берегом реки...

Пылится тракт знакомый,
Привычный поворот.
Дымок родного дома,
Рябина у ворот.

Все тихие дороги,
Родные все пути
Покатаются под ноги —
И знай по ним иди!

Заметят мальчуганы:
Веселой стаей вдруг
Вспорхнут и по поляне
Помчатся через луг.

Скорей увидеть надо
Отцов и братьев им,
В каких пришли наградах
Они к домам своим...

А матери и жены —
Они умели ждать, —
Как туче разряженной,
Им дайте порыдать.

**Не надо уговоров:
Те слезы не уймешь —
Прольются сами скоро,
Светлы, как летний дождь.**

1945

ЗАВЕТНЫЙ ДЕНЬ

Не знает сердце, как уgomониться!
Мы видим снова, слов не находя,
Подснежников дрожащие ресницы,
Сверкающие капельки дождя,
В глазах друг друга — небо голубое,
Над шумом улиц — веток вешних вязь.
Встречаемся, мешаемся с толпою,
Счастливых слез нисколько не стыдась.
Пришла победа! Ветер разудалый
Куда-то рвется, песню разнося.
Четыре года дня такого ждали:
И ждали как — забыть того нельзя!

9 мая 1945 г.

Н. К. Куклиной

Нежного мотива я не знаю.
Он издалека легко возник.
Может, пела пеночка лесная,
Может, щебетал в камнях родник.

Ветер чуть покачивал ракиты,
Мать шептала маленькому:
«Спи!»

Цокали далекие копыта,
Бились колокольчики в степи.

1945

ПЛОТЫ ПЛЫВУТ

Водой заплесканы холодной,
Плывут тяжелые плоты.
Не трутся бревна, сбиты плотно
По звеньям в ровные ряды.

Их непогодой закачало.
Навстречу — влажные пески,
Большие пристани, причалы
И просто шаткие мостки.

То синий бор, то луг веселый,
То шумный город — гул и дым.
Дождем обрызганные села
Блестят над берегом крутым.

Вода под тучами лилова.
Пыхтят буксиры. Долог путь.
На липкий пласт коры еловой
Садится чайка отдохнуть.

И долго волны в белых лапах
Щепье качают, вьют круги,
Храня смолистый, терпкий запах
Закамской сумрачной тайги.

1946

ГОРОД В ЛЕСУ

Краснокамск. Краснолесье. Дорога. Откос.
Нагибаются ветки. Крепчает мороз.

То дымком нанесет, то сосной золотой.
Это город над Камой, как снег молодой!

Это окна, узоры, в узорах — заря.
Это дым комбината и снег декабря.

Весь туман обращается в белую пыль,
Только звездочки льнут на дорожную стыл.

Это город бумаги, район нефтяной,
Окруженный вплотную лесной тишиной.

Помню первые вырубки, станцию, холм
У извилистой Ласьвы на месте глухом.

Выше сосен стоят молодые дома.
Осыпает их инеем тихо зима.

Краснокамск. Краснолесье. Дорога. Откос.
Нагибаются ветки. Крепчает мороз.

Корка наледи хрупкая — тоньше слюды,
Быстрый заяц на ней нацарапал следы.

На снежинках играют скупые лучи.
Лесоруб за окраиной мерно стучит.

**Выбирает сосну, чтоб была не крива, —
Лесорубу сегодня нужны не дрова.**

**Не дрова, а строительный мачтовый лес...
Покачнулась сосна — рассыпается треск.**

**Переплеты и лестницы тесно сплелись:
Это вышка гудит, уходящая ввысь.**

**И другая — над бором, и третья — за ней.
Это нефтью запахло от снега и пней.**

**Будем бревна тесать, будем вышки крепить,
Будем складывать срубы и землю бурить!**

**То дымком нанесет, то сосной золотой.
Это город над Камой, как снег молодой!**

НАЧАЛО

Черемухи вязнут в осоке,
Их дождь обдает холодком,
Шатает на правом высоком,
Ломает на левом крутом.

Но это совсем ненадолго.
Скользнули лучи из-за туч,
Бегут по сосновым иголкам,
По галькам, по выступам круч.

Прислушайся: пилы запели,
На вырубках — говор живой.
Скрипучие старые ели
Ложатся к заре головой.

А Кама, луга заливая,
Качает плоты на волнах.
Сливается с ней Чусовая
У Левшино в низких лугах.

Стрижей суетливая стая
Мелькает у самой воды.
Откуда-то дым долетает,
Садится внизу на плоты.

Все те же песчаные мели,
Обрывы, зубцы плитняка,
На правом — скрипучие ели,
На левом — кусты ивняка.

**Холмы заозерные те же,
Но слышит отхлынувший лес,
Гул провода, насыпи скрежет
И новое слово — «КамГЭС».**

**Утрами все те же туманы,
Но слышат и лес, и вода
Звон камня, шипение кранов —
Немолчную песню труда.**

1946

* *

Дотлела алая полоска.
Ушли за горы поезда.
Опять запуталась березке
В прическу белая звезда.
Как пахнет скошенной осокой,
Прибитой пылью и ольхой,
Как поднимается высоко
Туман от заводи глухой!

Как тихо все! Сорвется осыпь...
Вода умолкшая стоит.
Настороженная березка
Одна листвою шелестит.
Не спится ей. Она любила,
Когда из ближнего села
Чужое счастье приходило
Шептаться у ее ствола.
Оно так нежно говорило,
Клялось любить не разлюбить,
Такую песню заводило,
Что в ней ни слова не забыть.

Над лесом высветит полоска...
Все умолкало лишь тогда,
Когда из спутанной прически
Терялась белая звезда.

1947

СОСНА

Когда валили ту сосну —
Весь бор окрест шатался.
Узнать хотите толщину —
На память пень остался.

Да, пня в бору крупнее нет!
Хотя и старовата,
Кора скрепляет много лет
Площадку в три обхвата!

Кора землистая во мху,
А ниже мятлик вырос.
А рядом серую ольху
Поит лесная сырость.

Среди соседей молодых,
Прохладу принимая,
Растет, отлична от других,
Звенит сосна прямая.

Она устроилась давно
На пне, на середине,
Взялось тут семечко одно
На сгнившей древесине.

И вот — стройнее не найти! —
Ее задело светом:

**Вверху иголками блестит
Вся шапка темных веток.**

**Сосна, что век свой отжила,
Оставив пень широкий,
В чащобе жизнь передала
Другой сосне высокой.**

1947

ЛОСЬ

Там, где резал белый пароход
Гладь воды, задетую закатом,
Капитан сказал: «Замедлить ход!»
Что случилось? Кама широка там...
Кто это оставил синий лес?
Мы, столпясь на палубе, у края,
Видим, что плывет наперерез,
Ну, а кто — не сразу понимая.

Будто оступали берега,
И нигде ни острова, ни дыма,
Только гордо вскинуты рога —
Двигутся, покачиваясь, мимо.
Это лось реку переплывал.
Было видно, как простор он слушал.
Тишине навстречу открывал
Чуткие непуганые уши.
Глаз блеснул, и вздрогнула губа,
Сердце зверя славилло свободу.
Торопился. Воду загребал,
Путь пересекая пароходу.

Дальше, дальше... Вот уже с трудом
Виден у скалистого отвеса.
Выбрал камень, выпрыгнул, потом
Взял разбег по берегу до леса.

1950

АВГУСТ

Кукушка давно не кукует,
И дождь постучал по крыльцу,
Но мы не грустим, не тоскуем,
Что лето подходит к концу.

Под вечер дымок золотистый
Над крышею тянется ввысь.
Мы тронутых августом листьев
И первых плодов дождались.

1951

НОВАЯ ДОРОГА

Мы в холод работали много.
Вперед, не сбавляя накал,
Сквозь лес пробивали дорогу,
Нам первый мороз помогал.

Сквозь чащу, в лесные поселки,
Вели мы ее напролом,
Валили настойчиво елки,
Сдвигали с пути бурелом.

Под снегом — и сосны и ели.
От хрупкого света бела,
Меж ними, не слыша метелей,
Дорога как луч пролегла.

Пробита широко и прямо
Она через камень и лед,
А лес не отходит, упрямый, —
Дорогу он сам бережет.

1952

УДИВЛЯЯ ЛЕСНЫЕ УГЛЫ

Струсив, кинулась в чашу волчица,
Не метель услышав, не пургу...
Это издали с посвистом мчится
Электрический поезд в тайгу.
Мимо гор — ни пыхтенья, ни дыма, —
Мимо сосен в краю голубом,
По мостам, над камнями крутыми,
Над ручьями, зажатыми льдом,
Электрический поезд могучий
Легче пущенной в небо стрелы
Пролетает по рельсам певучим,
Удивляя лесные углы.

1952

ПЕЙЗАЖ

Полоски рельс блестят далёко,
Где начинается гора.
К ручью спустив зеленый локон,
Уснул шиповник до утра.

Не шевельнется он, не хочет
Сронить на воду лепесток.
Спокойны здесь в июне ночи,
Стихает каждый уголок.

Замолкли песни над рекою,
Заката смеркли янтари.
И все за городом в покое
До самой утренней зари.

К стволу ольхи прижалась птица.
Туман свился куда-то в лог.
Костер давно уж не дымится,
Рыбак поблизости прилег.

Одни гремят, цепляясь дымом
За пни, за ветки, у куста,
Одни не спят — проходят мимо
Очередные поезда.

1954

Невидная речка Осинка
Журчит, задевая траву.
В траве голубеют росинки,
Вбирая в себя синеву.

Я думал сперва — забудки,
А солнце взошло — огоньки.
Цветам прозвенела побудка,
И нити тумана тонки.

Проснулась пчела в перелеске —
Хозяйка цветов луговых,
Но все еще рано для плеска,
Для шороха веток живых,

Для встречи, для сладкой напасти,
Где я, как трава под косой,
От слов, обещающих счастье,
Умытое первой росой.

1955

ЛЕСНАЯ ТРОПА

Вдвоем в бору плутать — утеха!
Идем. Обступит, обовьет,
К себе малинником и эхом
И чьим-то смехом он зовет.

Дремучий бор. Кому не дорог
От самого его привет!
У сосен с радостным задором
Взметнулись ветви, застя свет.
Еще, еще качнулись кроны
И тенью вывели узор.
Внизу в мелькании зеленом
Тропу стремится спрятать бор.
Вон близко голый камень стынет,
Чужой, как будто не лесной.
Кусты малинника густые
В ложбине сбились, за сосной.
Зайчонок выпрыгнет, разведчик,
Да скрыться вмиг успеет, плут...
За разговором бесконечным —
Идем. Часы идут, идут...

Тропу лесную любим оба:
Сперва как будто не нужна,
Но, заведя плутать в чашобу,
Зато и выведет она.

1958

ПРОВОДНИК

Навстречу — непролазная тайга:
Сосник да ельник, скалы да лога.
Родник себе прорезал путь в лесу.
Поит и человека, и лису.
И птице, что снижается с высот,
Он влагу искрометную несет.

Да говорят, что будто заведен
В тайге такой неписанный закон:
По руслу родниковому спешу —
И встретится руда тебе в глуши.
Иди, не расставайся с родником —
Не зря его зовут проводником.

Родник лесной да сердце горняка
До места доведут наверняка.

1955

ОХОТНИК

Короче дни, но держится тепло,
Хотя во всем угадываешь осень.
Листва осин краснеет у болот,
И все слышней поскрипыванье сосен.

Пробрался свет сквозь ветки до травы,
Рассыпался — цветы напоминает.
Блестит морошка, прячется во рвы,
Сорвешь ее — во рту как будто тает.

Вблизи озер — оленя легкий шаг,
Калины низкой гроздь наливные,
Сухой, тревожный шелест камыша,
Сырые мхи и запахи хмельные.

И задержаться тут не мудрено:
Глядит охотник, радостно взволнован,
И все знакомо здесь ему давно,
И каждый раз все так свежо и ново.

1956

* *

На тонком стволе две пометки-насечки.
Дорогу за ними пойму не пойму?
Сосновый ли бор подбирается к речкам,
А может быть, речки подходят к нему?..

Вода заструится сначала в ложбинах,
Под мелким кустарником, мимо камней,
В ольховой тени, под напев соловьиный,
Который у леса слышней и слышней.

Вблизи, недалеко заветная встреча.
Забывшись, в лесную смотрю полутьму.
Сосновый ли бор подбирается к речкам,
А может быть, речки подходят к нему?

1956

ВЕТКА

Ветка на проталине лежит,
Ручьевую влагу сторожит.

В листья не оделась, не цвела:
Рано отломили от ствола.

Под корой весенний бродит сок.
Ветка зарывается в песок.

В землю бы корнями ей врати,
Встать бы, распуститься, зацвести.

Нежными цветами забелеть,
Ласково листвою зашелестеть,

Тенью заслонить бы ручеек,
Тот, который жизнь тебе сберег.

1957

ШИПОВНИК ЗАЦВЕЛ

Вблизи от родного поселка —
Укромный в бору уголок:
Листва шелестит втихомолку,
Шиповник цветами завлек.

Он правило рушит лесное:
Цветет, лепестками горя,
Вторично в году — не весной,
А в самом конце сентября.

1959

СНЕЖНО

Снег. Лучей перебеги —
Зарябило в глазах.
Нет искристее снега,
Чем в прикамских лесах.

Легким стелется слоem
И молчит белизна.
Едут по лесу двое
Рядом — он и она.

Обо всем позабыли...
Снежно. Блестки. Слюда.
Снег — сверкающей пылью,
И четыре следа.

1960

* *

Как привычен мне галечный щебет,
Как по-своему радостен он...
Кто-то мелко чирикает. Трепет.
Вздоги жизни. Тропа — под уклон.

Свежий день не совсем еще летний,
Но идешь и теряешься тут,
Где кивает шиповник приветно,
Мельче всех незабудки цветут.

Ранней свежестью иву умыло,
Нежно ветка коснулась плеча.
Отразился шутливо и мило
Небосвод в перебегах ручья.

1963

В ЧАЩЕ ПРОРУБАЯ НОВЫЙ ПУТЬ

Недра приуральские богаты.
Вот она, задумчивая даль!
Горы невысокие покаты,
Реки — как расплавленная сталь.

Солнца много. Непогодь раздуло.
Только сыро в травах у раakit.
Что это зеленое сверкнуло —
Листья или камень малахит?

В недрах неизведанных сокрыта,
Точит медь подземная вода.
Медная руда от малахита
Где-нибудь поблизости всегда.

В горы поднимаемся сквозь топи,
Шахты прорубаем глубоко,
Долго разрабатываем копи:
В недра забираться нелегко.

Сразу на поверхности гористой,
Камня дорогого не найти.
Камень, чем дороже и лучистей, —
Тем к нему труднее и пути.

1963

УРАЛЬСКИЕ ГОРЫ

От степей до Полярного круга,
Даже дальше неробко идут,
Ближе к полюсу. Бешеным вьюгам
Хладнокровно поклон отдают.

Склоны гор переходят в долины,
И весною цветы, как ковер.
Жаль, что летчик запев соловьиный
Не услышит — мешает мотор.

А тропинка все дальше торопит,
Извиваясь у скал на виду.
Из Перми я пойду по Европе
Да и в Азию вдруг попаду.

Не устану подъемы и склоны
Мерять шагом широким. Свои
Горы строгие, лес там зеленый,
Речки с гор, и опять соловьи!

1964

ДНИ

Берег помню розовый,
Свет зари, песок.
Бор, не спутан грозами,
Строен и высок.
Красный он, прекрасный он.
С бором заодно
Встретит зори ясные
Краснокамск родной!
Мы мечтали, юные,
Город ставить здесь,
Дружною коммуною
Расчищали лес.
Поднимали силою
Улиц первых стать.
И мечту спешили мы
Детям передать.
Шла своей дорогою
Кама и, внаскок,
Белой пеной трогала
Камешки, песок.
Видит Кама-Камушка
В нови города...
Шелестите, камешки,
Ветренно когда!
Дети тоже видели
Гордость этих дней:
Выросли строители
Нас еще сильней.

Не стрижи надречные
Залетают в круг —
Молодостью встречено
Здесь пожатые рук.
Прибавлялись пристани,
Пароходы шли,
Города поистине
Множились, росли.
Песню созидания
Слышно там и тут.
Дни идут, задания
Дням передают.

1965

СОДЕРЖАНИЕ

Путник	5
«Взошла луна. Окраине не спится...»	6
Ливень	7
«Еще на крышах снег тяжелый...»	8
Ручей	9
Осеннее	10
«...В ней все цвета: лиловый, красный...»	12
Дерево	13
В родном краю	15
Комсомольский билет	21
Урал	23
«Я звуки скрипок плохо слышал...»	26
Письмо	27
Полустанок	28
Дорога	29
Речка в горах	30
На Чусовой	31
О любви	33
«Зеленый берег ласковой Ирени...»	34
Возвращение	35
Заветный день	37
«Нежного мотива я не знаю...»	38
Плоты плывут	39
Город в лесу	40
Начало	42
«Дотлела алая полоска...»	44
Сосна	45
Лось	47
Август	48
Новая дорога	49

Удивляли лесные углы	50
Пейзаж	51
«Невидная речка Осинка...»	52
Лесная тропа	53
Проводник	54
Охотник	55
«На тонком стволе две пометки-насечки...»	56
Ветка	57
Шиповник зацвел	58
Снежно	59
«Как привычен мне галечный щебет...»	60
В чаще прорубая новый путь	61
Уральские горы	62
Дни	63

**Борис Николаевич
МИХАЙЛОВ**

ДНИ

Редактор *И. Лепин*

Художник *В. Смирнов*

Художественный редактор *В. Вагин*

Технический редактор *Т. Дольская*

Корректор *И. Пархомовская*

Сдано в набор 8/VIII 1969 г. Подписано
в печать 2/XII 1969 г. Формат бумаги лито-
графской 70×90¹/₃₂. Печ. л. 2,125 (усл.-прив.
л. 2,49), бум. л. 1,0625; уч.-изд. л. 1,745.
ЛБ02379. Тираж 10 000 экз. Цена 32 коп.
Пермское книжное издательство. Пермь,
Карла Маркса, 30. 2-я книжная типография
управления по печати. Пермь, Коммунисти-
ческая, 57. Зак. 1233.

Р2 Михайлов Б. Н.

М69 Дни. Избранные стихи. Пермь. Кн. изд., 1969.

68 стр., 10 000 экз., 32 коп.

В сборник вошли лучшие стихи поэта, написанные им за 40 лет литературной деятельности.

7-4-2